

Главная задача социалистического реализма — возбуждение революционного миропонимания

Из писем А. М. ГОРЬКОГО

Сегодня исполняется 18 лет со дня смерти гениального русского писателя Алексея Максимовича Горького, основоположника литературы социалистического реализма, активного борца за процветание Советской Родины, за великое дело коммунизма.

Народы Советского Союза, все прогрессивное человечество чтут память А. М. Горького.

Ниже мы публикуем некоторые из малоизвестных или не печатавшихся до последнего времени писем А. М. Горького, посвященных задачам развития советской литературы. Ряд принципиальных вопросов, поставленных в указанных письмах перед литераторами более двадцати лет назад, имеет и ныне актуальное значение, особенно в связи с подготовкой к съезду писателей. Весьма поучительна, например, оценка натурализма, как неверного приема изображения действитель-

ности, приема, неприложимого к нашей действительности, искажающего ее. Огромный интерес представляют определение Горьким главной задачи социалистического реализма, указание на необходимость глубже и ярче показывать замечательных людей нашего времени — строителей новой жизни, бороться против старого, отжившего, постановка жизненно важных проблем развития советской литературы, призванной активно участвовать в гигантской созидательной деятельности нашего народа, в коммунистическом воспитании трудящихся.

В этих письмах великолепно выражена глубокая вера А. М. Горького в могучую силу героического советского народа, руководимого Коммунистической партией. «Ясное сознание великой цели своего класса», — пишет А. М. Горький, — крепкое товарищество по партии, дружба по работе и в обыденной жизни, уважение друг к другу — все это вместе — необоримая, чудодейственная сила!».

хитростями работников слова, часто опьяняемых словом. Вот и все.

Мой сердечный привет.

А. ПЕШКОВ.

16.VIII.32.

Накоряков Николай Никандрович (р. 1881) во время переписки с М. Горьким — директор Государственного издательства художественной литературы.

В. С. ГРОССМАНУ

7 октября 1932, Москва.

Рассказ «Три смерти» — работа несерьезная, поверхностная. Мне кажется, что эмоциональное отношение к теме «смерть» отлично выражено в русской литературе — Л. Толстой «Три смерти», «Смерть Ивана Ильича», Чехов, Л. Андреев и др. — и что, если эта тема — не говоря о ее своевременности — все еще достойна внимания, над нею следует работать под иным углом зрения. Смерть — явление биологическое, и писать о ней, не зная биологии, — дело едва ли полезное. Писать же только для того, чтоб «человек задумался о неизбежном» — дело празднословное и церковное, т. е. явно вредное.

«Глюкауф» — очень хороший материал

для повести, но он плохо «смонтирован», густо засыпан лишними словами, испорчен диалектикой автора, который — часто — там, где следует изображать, включает мысль в образ. — тяжело и сухо рассказывает, поучает читателя. Изобразительная способность автора кажется мне вообще не очень сильной, не развитой. Повесть его местами принимает форму газетного очерка.

Лично я не вижу в повести тенденций контрреволюционных, но критика имеет основания усмотреть тенденции эти в «натурализме» автора. Я не могу назвать натурализм, как прием изображения действительности, приемом «контрреволюционным», но уверенно считаю прием этот неверным, к нашей действительности неприложимым, искажающим ее. Автор говорит: «Я писал правду». Ему следовало бы поставить перед собою два вопроса: один — которую? другой — зачем? Известно, что существует две правды и что в мире нашем количественно преобладает подлая и грязная правда прошлого, а — на смерть ей — родилась и растет другая правда. Вне столкновения, вне борьбы этих правд нельзя понять ничего, это — тоже известно. Автор неплохо видит правду прошлого, но не очень ясно понимает, что же ему де-

лать с нею? Автор правдиво и со вкусом изобразил тупоумие шахтеров, пьянство, драки и вообще все то, что — должно быть — преобладает в его — автора — поле зрения. Конечно, это — правда, очень скверная, даже мучительная правда, с нею необходимо бороться, ее нужно без пощады истреблять. Ставит ли автор перед собою эту цель?

Возможно, что он эту цель ставит, но натурализм как прием не есть прием борьбы с действительностью, подлежащей уничтожению. Натурализм технически отмечает — «фиксирует» — факты: натурализм — ремесло фотографов, а фотограф может воспроизвести, напр., лицо человека только с одной, скажем, печальной улыбкой, для того же, чтоб дать это лицо с улыбкой насмешливой или радостной, он должен сделать еще и еще снимок. Все они будут более или менее «правда», но «правда» только для той минуты, когда человек жил печалью, или гневом, или радостью. Но правду о человеке во всей ее сложности фотограф и натуралист изображать — бессильны.

В повести «Глюкауф» материал владеет автором, а не автор материалом. Автор рассматривает факты, стоя на одной плоскости с ними; конечно, это тоже «позиция», но и материал и автор выиграли бы, если б автор поставил пред собою вопрос: зачем он пишет? Какую правду утверждает? Торжества какой правды хочет?

Человек он — способный, и решить вопросы эти ему следует.

М. ГОРЬКИЙ.

7.X.32, Москва

«Три смерти» — рассказ В. С. Гроссмана, оставшийся неопубликованным.

И. А. РЫБАКОВОЙ

30 января 1935, Москва.

При не Рыбаковой.

Товарищ Рыбакова —

группа товарищей с «Красной Розы» прислала мне Вашу книжку, — я очень благодарю их за это! Книжка Ваша понравилась мне, — простой, хороший рассказ о том, как быстро и славно растут высокие ценные люди в стране, где властвует и

хозяйствует пролетариат, где пред каждым честным рабочим широко открыты пути к знанию, славе, почету. Вот так просто, правдиво и надо пролетариям писать о своей жизни до Октября, — писать так, как будто рассказываешь о себе своим детям и дорогим, сердечным друзьям своим. Ясное сознание великой цели своего класса, крепкое товарищество по партии, дружба по работе и в обыденной жизни, уважение друг к другу — все это вместе — необоримая, чудодейственная сила! Этой силой мы организуем друзей во всем мире и разавим врагов.

Книжка напомнила мне один из счастливейших дней моей жизни. Тогда, в 28 г., я приехал в Союз после шестилетней жизни за границей, где наблюдал, как лияют павлиньи перья буржуазной культуры, как загнивает мелкая и крупная буржуазия, растрепанная войной. Визел ученых профессоров, которые служили кондукторами трамваев; интеллигентов, которые, стоя на улицах, молча протягивали руки за милостыней, визел, как в Германии голодали рабочие, как много малолетних дочерей пролетариата стали проститутками, и визел тысячи «детей военного времени» — золотушных, параличных, рахитиков, полуслепых, нервных больных. Когда своими глазами видишь все это, — так особенно ясной становится преступность и недопустимость власти буржуазии над рабочим классом.

О том, что делается у нас в Союзе, я, конечно, знал по газетам, по рассказам товарищей, приезжавших из Союза. Но вот возвратился в Москву, увидел, что сделано за 6 лет пролетариатом-диктатором в бывшей царской России. Это, разумеется, глубоко возмущало меня, загло в сердце неугасимую радость и гордость силою, талантливостью людей родины. И когда в Большом театре мы с Вами целовались, я, т. Ирина, целовал не только Вас, а тысячи героинь труда. Потом я съездил на Днепрострой, в сальский колхоз «Гигант», в Тифлис, Эривань, Баку, в Сталинград, Казань, Нижний, заглянул почти всюду, где бывал раньше, и даже в Мурманск, в Соловки, где никогда не был, посмотрел на гигантскую работу пролетариата Союза Советов, мудро руководимого партией его, и вот с той поры счастливо живу той энергией, которая

непрерывно, изо дня в день обогащает Союз Социалистических республик и учит пролетариат всех стран, что надобно делать, как надо перестраивать жизнь.

Сердечный привет Вам, т. Рыбакова, и товарищам Вашим — работницам и рабочим «Красной Розы».

Крепко жму Вашу руку.

М. ГОРЬКИЙ.

30.I.35.

Рыбакова Ирина Александровна (р. 1887) — работница комбината «Красная Роза», Москва.

А. С. ЩЕРБАКОВУ

19 февраля 1935, Москва

Тов. А. Щербакову.

Мне кажется, что определение состояния критики и ее задач дано в формах слишком «общих», хорошо знакомых литераторам и критикам и потому едва ли способных возбудить живой, актуальный интерес, вызвать плодотворную дискуссию по вопросу о социалистическом реализме как методе и технике литературного творчества, как об эстетике и этике советского искусства.

О соцреализме написано и пишется много, но единого и ясного мнения — не существует, чем и объясняется тот печальный факт, что на Съезде писателей критика не заявила о том, что она существует. А нам необходима твердо установленная «рабочая истина», настолько широкая, чтоб она могла охватить и осветить смыслы всех процессов в нашей стране и все акты сопротивления творчеству пролетариата-диктатора. Само собою разумеется, что в пределах этой «рабочей истины» неизбежны и допустимы разногласия, — отсюда следует необходимость особенно точно, твердо установить пределы неизбежного и допустимого. Думаю, что исходной точкой социалистического реализма надобно взять Энгельсово утверждение: жизнь есть сплошное и непрерывное движение, изменение. В природе механически работают энергии физики и химии, в человечестве — трения, столкновения классовых сил и трудовые действия, направленные на создание и расширение материальной — буржуазной, классово своекорыстной — культуры. Факты истории устанавливают,